

Л. А. Мальцев

**СЛАВЯНСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА:
ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ КНИГИ
«МИРОСОЗЕРЦАНИЕ ДОСТОЕВСКОГО» Н. А. БЕРДЯЕВА**

Утверждается, что становление славянского экзистенциализма сопряжено с рефлексией над творчеством Достоевского, в частности, с его философско-критическим толкованием в труде Н. А. Бердяева «Мирозерцание Достоевского». Интерпретационным лейтмотивом этой книги является вопрос о кризисе гуманизма, о «расщеплении ядра» человеческой личности, ответ на который, по мнению Бердяева, дает Достоевский. Мысли Бердяева, сформулированные им при прочтении произведений Достоевского, соотносятся с модельными экзистенциалистскими текстами литературы русского и польского зарубежья: «Распад атома» Георгия Иванова и «Фердидурке» Витольда Гомбровича.

Ключевые слова: философия и литература русского и польского зарубежья, русский и польский экзистенциализм, проблема кризиса гуманизма.

Кризис гуманизма в XX веке, т. е. классических ренессансных представлений о человеке, является одним из острых вопросов экзистенциалистской антропологии. В философии русского зарубежья его поставил Н. А. Бердяев в трудах «Мирозерцание Достоевского» и «Смысл истории», изданных в 1923 году. Например, в книге «Смысл истории» Бердяев говорит о трагических событиях 1914–1918 годов как симптомах «глубокого потрясения и расчленения форм человека, гибели целостного человеческого образа»¹. Достоевский, полагает Бердяев, предчувствовал антигуманистическую угрозу, видел в ней следствие ущербности секуляризированного гуманизма и искал выход в обновленном христианском гуманизме. Находя идейную опору в Достоевском, философ пишет об «иступленном чувстве личности» великого писателя, о его мирозерцании, «проникнутом персонализмом»².

Философско-критический комментарий «Мирозерцание Достоевского» совмещает представления о «дионисическом искусстве»³, «дионисическом экстазе»⁴ Достоевского с тезисом о сохранении у него «образа человека, лика человека»⁵: если следствием «дионисического экстаза» является необратимый распад человека, то Достоевский, по Бердяеву, являет уникальный пример «дионисическо»-христианской диалектики смерти и воскресения личности.

Мысль о «дионисической» природе гения Достоевского Бердяев соотносит с видением русского национального характера в его «анар-

хической» составляющей: русскому человеку присуща «незначительная формальная одаренность», более того, «вражда к форме, к формальному началу в праве, государстве, нравственности»⁶. Проблема кризиса гуманизма, полагает Бердяев, находит наиболее сильный отклик в русском сознании с его отрицанием «мер» классической культуры и «середин» современной цивилизации, с выходом за пределы западных парадигм и устремленностью к «положительному» апокалиптическому либо к «отрицательному» нигилистическому полюсам (см. статью философа «Духи русской революции»).

Тезис о «незначительной формальной одаренности» и, как следствие, об экзистенциальном «распылении» русского человека находит у Бердяева «ландшафтные» соответствия: «На лице русской земли нет резко очерченных форм, нет границ. Нет в строении русской земли многообразной сложности гор и долин, нет пределов, сообщающих форму каждой части. Русская стихия разлита по равнине». Соответственно и русская душа «не может жить в границах и формах, в дифференциациях культуры», она «не превращена в крепость, как душа европейского человека, не забронирована религиозной и культурной дисциплиной»⁷.

Размышления польского писателя Витольда Гомбровича о польском «равнинном» характере и о «незначительной формальной одаренности» своих соотечественников представляются парафразом бердяевского текста: «Француз, англичанин, каким бы он лично не

был внутренне расколотым, легко подходит к определенной национальной форме, английской, французской, выработанной веками, готовой... А что есть Польша? Это страна между Востоком и Западом, где Европа постепенно сходит на нет, переходная страна, где Восток и Запад друг друга ослабляют. А значит, это страна ослабленной формы <...> И вот на этой равнине, открытой всем ветрам, уже давно происходила великая Компрометация Формы и ее Деградация... Чувство бесформенности, мучительное для поляков, но наполняющее их какой-то странной свободой, было истоком их любви к Польше»⁸.

Однако польская душа ближе, чем русская, к «срединным» нормам европейского гуманизма (Бердяев), к «царству средних температур» (Гомбрович). Гомбрович говорит о двойственности польской души, исходящей из промежуточного положения Польши между Востоком и Западом: «Поляк, поставленный напротив восточного мира, представляется поляком определившимся и предсказуемым. Поляк, обращенный лицом на Запад, имеет туманный облик, полный неясных обид, недоверия...»⁹. Гомбрович полагает не без оснований, что именно с западной точки зрения польский характер отождествляется с «загадочной славянской душой». Представление о «незначительной формальной одаренности» славянского характера, его «дионисической» склонности к иррациональной сфере бытия позволяет именно в славянском литературном контексте, русском и польском, рассмотреть проблему кризиса гуманизма, актуальную для всей Европы XX века.

Развитие культуры европейских, в том числе славянских стран в направлении модернизма свидетельствует о том, что литературное «дионисийство» обычно сопрягалось с констатацией необратимого расщепления «ядра» личности и, согласно Бердяеву, «динисическое художество» Достоевского, соединенное с христианским гуманизмом, оказывалось здесь не правилом, а исключением. В двух славянских литературах, русской и польской, проблема кризиса гуманизма проявилась сильнее всего образом в прозаических произведениях – в романе «Фердидурке» Витольда Гомбровича и повести «Распад атома» Георгия Иванова: оба текста были опубликованы в 1938 году, почти одновременно с романом «Тошнота» Сартра, ознаменовавшим утверждение экзистенци-

лизма в общеевропейской художественной культуре.

Творчество Витольда Гомбровича и Георгия Иванова вполне правомерно ассоциируется с экзистенциалистскими тенденциями соответственно польской и русской литератур. Р. Гуль утверждает: «Георгий Иванов – сейчас единственный в нашей литературе – русский экзистенциалист...». По мнению критика, экзистенциализм «петербургского» происхождения намного старше сартровского «сен-жерменского» экзистенциализма. Экзистенциалистскую проблематику сочинений Иванова Р. Гуль ставит в контекст национального самосознания («своеобразие поэтической темы Иванова заключается в том, что она остро преломилась в нашей потенциально апокалиптической термоядерной действительности»¹⁰), в чем критик перекликается с тезисом Бердяева об апокалиптическом «полюсе» русского характера.

Ключевой фигурой польского экзистенциализма, несомненно, является Гомбрович. По словам Милана Кундеры, роман «Тошнота» Сартра неоправданно «захватил <...> место, отведенное Гомбровичу»: «То, что “Тошнота”, а не “Фердидурке” стала образцом новой ориентации, имело досадные последствия: первая брачная ночь философии и романа нагнала на обоих лишь скуку», – уточняет чешский писатель¹¹. О самобытности Гомбровича в сопоставлении с Сартром категорично и даже задиристо пишет польский философ и критик М. П. Марковский: «Экзистенциализм Гомбровича был не доктринерским, не притворным. Гомбрович не должен был носить черных свитеров, афишировать себя с книгой Сартра под мышкой. Это Сартр должен был носить под мышкой “Фердидурке”, если бы он знал испанский <...> и если бы у него было больше фантазии»¹².

Экзистенциалистский тип творчества Г. Иванова и Гомбровича обусловлен фактом эмигрантского существования. В исследовании экзистенциалистских контекстов творчества Иванова С. Г. Семенова подчеркивает значение факторов эмигрантского одиночества, беспочвенности («Молодые эмигрантские литераторы особенно чувствительно испытали на себе катастрофичность своего времени, его мировоззренческую шаткость, но главное – были выброшены в социальную пустоту, в одиночество, в безнадежность...»¹³), что, очевидно, имеет отношение и к творчеству

Гомбровича, уехавшего в августе 1939 года в Аргентину и прошедшего последние тридцать лет жизни за рубежом.

На Г. Иванова и Гомбровича оказал влияние Достоевский как автор повести «Записки из подполья», традиционно считающейся «прологом» экзистенциализма XX века. Жизненная философия «подпольного» человека, его эгоцентризм, вседозволенность, впоследствии подкрепленная концепцией «переоценки ценностей» Ницше, привели к утверждению безграничной свободы и обесцениванию правил, законов бытия. «Достоевский, — пишет Бердяев, — берет человека отпущенным на свободу, вышедшим из-под закона, выпавшим из космического порядка и исследует судьбу его на свободе, открывает неотвратимые результаты путей свободы»¹⁴.

Идея порядка («мировой гармонии»), против которой протестует «подпольный» человек Достоевского, оказывается низвергнутой в мире анонимного героя повести Г. Иванова «Распад атома». Циник и эгоцентрик, «копия» героя Достоевского, он сознает себя в ситуации, диаметрально противоположной «подпольному» человеку. Герой Иванова сталкивается с всепоглощающим «мировым уродством», под давлением которого разрушается «атом» личности. В окружающем абсурдном мире есть случайности, но нет закономерностей, есть вопросы, но нет ответов, есть иллюзия обретения смысла, но нет самого смысла. Герой Иванова уже не бунтует против «мировой гармонии», а тоскует по ней, он живет ностальгическими воспоминаниями о «пушкинской России», однако отсутствие надежды приводит к трагической констатации «мирового уродства» и неминуемого распада человеческой души: «Я хочу самых простых, самых обыкновенных вещей. Я хочу порядка. Не моя вина, что порядок разрушен. Я хочу душевного покоя. Но душа, как взбаламученное помойное ведро — хвост селедки, дохлая крыса, обгрызки, окурки, то ныряя в мутную глубину, то показываясь на поверхность, несутся вперегонки. Я хочу чистого воздуха. Сладковатый тлен — дыхание мирового уродства — преследует меня, как страх»¹⁵. Бытийный хаос приводит к распаду творческого «ядра» личности, которая, повинувшись эстетической интуиции, пытается «воплотить» историю своей жизни, однако «умеет только развоплощать». «Бесформенность» выражения жизненного опыта становится здесь по-

казателем экзистенциальной обреченности, потери надежд на возвращение в «утраченный рай».

В романе Гомбровича «Фердидурке» («Ferdydurke») совмещены оба мировых начала, враждебных героям «Записок из подполья» Достоевского и «Распада атома» Г. Иванова. Центростремительная формообразующая («мировая гармония») и центробежная разлагающая силы («мировое уродство») обладают равноправным статусом: все романное действие — как будто поединок «дьявола порядка», дьявола формы, от которого человек защищает свою «глубинную свежесть»¹⁶, и дьявола распада, «инфернальной баталии, разлада, фальши, игр демонов»¹⁷, карнавала гримас, мин, рож с неизбежным «торжеством» окончательного разложения формы. Вступительный абзац романа демонстрирует процесс дробления личности, дошедший до критического, рубежного состояния: «Это был ужас несуществования, страх небытия, боязнь нежизни, опасение нереальности, биологический вопль моих клеток, напуганных внутренним раздором, раздроблением и распылением»¹⁸. И здесь «я» героя, близкого автору, оказавшись на границе с небытием, предпринимает попытку центростремительного движения, кажущемся возможным только в акте эстетического самовыражения: «Ах, создать собственную форму! Выплеснуться наружу! Самовыразиться! <...> И вот уже наступает рассвет, <...> а я в окружении блистательных и отточенных форм принимаюсь за первые страницы собственно моего творения, такого, как я, идентичного мне, исходящегося прямо из меня, творения, суверенно выражающего собственную мою правду...»¹⁹. Но только герой-автор задается программной целью сосредоточения себя на большой творческой задаче, является учитель Пимко, усматривающий в 30-летнем мужчине незрелого юнца и заключающий его в тесную «форму» ученика.

Циклический процесс «рассеивания» — «собираения» личности, по Гомбровичу, обусловлен изменчивостью, нестабильностью «я», находящегося в диалектической связи с «другими»: в состоянии зависимости и бунта против «других». Путь к индивидуальной автономии, как следует из «Фердидурке», лежит через разработку стратегии и тактики самообороны от «других», которые несут или угрозу разрушения внутренней формы, или, наоборот, заключения в определенном поряд-

ке, внешней форме. Чтобы заключить жертву в искусственно созданном порядке, нужно предварительно подорвать суверенность ее «я», парализовать волю к сопротивлению – именно та операция, которую проделывают по отношению к Юзефу Ковальскому сначала учитель Пимко и пансионерка Зюта, затем «добрая» тетушка Хурлецкая и, к концу романа, милая барышня Зося.

Притчей-комментарием к перипетиям борьбы главного героя с началами порядка и разлада служит вставная новелла «Филидор, подлицованный ребенком». В основе новеллы о Филидоре лежит спор ученых-антагонистов Филидора и анти-Филидора как представителей противоположных парадигм синтеза (знания, примиряющего противоречия и достигающего единства частей) и анализа («атомизации», расщепления, казалось, даже гармоничного целого на мельчайшие частицы). Как резюмирует рассказчик в этой истории, «анализ, по сути, победил»²⁰, однако механизм поединка уже запущен в бесконечность: впавшие в детство профессора бросаются камнями в птиц, охотятся на лягушек, бьют стекла и т. д. Борьба идей синтетологии с идеями аналитики, «дьявола порядка» – с дьяволом разлада, приводит к бесконечному и бесцельному процессу, – давление демонических сил на человека достигает апогея именно в этой «дурной бесконечности» поединка синтеза с анализом.

В пародийной философической новелле «Филидор...» позиция Гомбровича пересекается с эстетическими взглядами Бердяева (работа «Кризис искусства» (1918)). Бердяев пишет о противоположных тенденциях культуры начала XX века: **синтетической и аналитической**. Синтетическая тенденция, по Бердяеву, заключается в тоске современного человека «по органичности, по синтезу, по религиозному центру, по мистерии»²¹. Аналитическая – обнаруживает обратный процесс «дематериализации, развоплощения» искусства²², когда «пошатнулось целостное восприятие образа человека, когда человек проходит через расщепление»²³. Так как классическое искусство уже никогда не вернется в прежние границы и аналитическая тенденция чревата катастрофическими последствиями («...Человек с распыленным ядром “я”, разорванный на миги и клочья, не может создать сильного и великого искусства»²⁴), Бердяев, несомненно, отдает приоритет синтетизму.

«Фердидурке» как роману модернистской направленности, пожалуй, ближе аналитическая тенденция (с эстетической точки зрения), о чем говорит, например, обращение внимания на части тела, на соответствующие им части произведения и, в целом, видение мира в состоянии расчленения (см. «Предисловие к “Филидору...”»). Однако Гомбрович одинаково дистанцируется от идей синтеза и анализа, воплощенных в фигурах Филидора и анти-Филидора.

Здесь пролегает принципиальная разделительная линия между романом «Фердидурке» и традициями русской культуры. В русской классической культуре преобладает синтетическая концепция бытия, поэтому Бердяев, в целом, выражает веру в то, что на путях синтетизма произойдет возрождение искусства. Не случайно русской литературе XIX века даже в удручающих обстоятельствах свойственно искание лада – гармонии и всеединства бытия. И обратно тому, ад понимается как царство распада – без видимой надежды на восстановление утраченных связей. Для Гомбровича, наоборот, синтез, т. е. стремление к единству, есть едва ли не большее искушение, чем аналитический разлад, расчленение бытия. Роману «Фердидурке» свойственны индивидуалистические устремления, автор и герой далеки от надежд на всеобщую гармонию. С другой стороны, Гомбрович свободен от крайностей пессимизма: человек Гомбровича пребывает в неустанном движении к цели самовыражения, которое, хоть и происходит «вне» надежды, все же отрицает ее отрицание. На этом пути одним из немногих русских единомышленников Гомбровича мог быть автор повести «Распад атома» Георгий Иванов.

Примечания

¹ Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т.1. С. 396.

² Там же. Т.2. С.36.

³ Там же. Т.2. С.30.

⁴ Там же. Т.2. С.42.

⁵ Там же. Т.2. С.43.

⁶ Там же. Т.2. С.13-14.

⁷ Там же. Т.2. С.105-106.

⁸ Gombrowicz, W. Testament. Rozmowy z Dominique de Roux. Kraków, 2004. S.31-32. Перевод здесь и во всем тексте статьи Л.М.

- ⁹ Gombrowicz, W. Dziennik. Kraków, 2001. T.1. S.25.
- ¹⁰ Гуль, Р. Б. Георгий Иванов // НЖ. 1955. №42. С.110-120. Согласие – Москва. Интернет-журнал о культуре русского зарубежья. URL: <http://soglasie.ioso.ru/library/works/26/>.
- ¹¹ Кундера, М. Нарушенные завещания. СПб., 2005. С.256.
- ¹² Markowski, M. P. Ze szkoły Montaigne’a // Gombrowicz W. Kurs filozofii w sześć godzin i kwadrans. Kraków, 2006. S.7.
- ¹³ Семенова, С. Г. Изнанка и лицо обезбоженного мира (экзистенциальное сознание в прозе Георгия Иванова и Владимира Набокова) // Семенова С.Г. Метафизика русской литературы. М., 2004. С.164.
- ¹⁴ Бердяев, Н. А. Указ. изд. Т.2. С.31.
- ¹⁵ Иванов, Г. Распад атома. URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/raspad.txt>.
- ¹⁶ Гомбрович, В. Космос. СПб., 2001. С.109.
- ¹⁷ Там же. С.237.
- ¹⁸ Там же. С.33.
- ¹⁹ Там же. С.44.
- ²⁰ Там же. С.122.
- ²¹ Бердяев, Н. А. Указ. изд. Т.2. С.401.
- ²² Там же. Т.2. С.404.
- ²³ Там же. Т.2. С.411.
- ²⁴ Там же. Т.2. С.412.